

Исхаков Виктор Борисович, кандидат политических наук, независимый исследователь.

Общественно-политические трансформации в России на рубеже столетий: социально-политические аспекты

Начавшийся во второй половине 80-х гг. XX в. распад социалистической системы управления экономическими и политическими процессами в СССР, усугубившийся идейным кризисом в правящей партии и дискредитацией базовых ценностей коммунистической идеологии в глазах общества, привёл к тому, что Россия начала постепенно вставать на путь прямого заимствования политических достижений развитых демократических государств. Вполне естественно, что это сопровождалось деидеологизацией существовавших общественных отношений, поскольку определение и пропаганда нового идеала всегда требует выстраивания собственной специфической иерархии целей, направленных на распространение этого идеала в обществе¹. Вместе с тем государство, объявившее о намерении реализовать какую-либо модель общественно-политических отношений, должно так или иначе отчитываться перед обществом о промежуточных результатах своей деятельности. Однако в России группа лиц, сконцентрировавшая в своих руках после 1991 г. важнейшие рычаги управления государством, отчитываться о своих действиях перед обществом явно не стремилась. Тем самым, по меткому высказыванию социолога А. Глинчиковой, постсоветская Россия стала походить на "...путника, который шёл в определённом направлении и вдруг оказался в совершенно незнакомой местности. И теперь ему нужно определить, как отличить движение вперед от движения назад, в сторону, по кругу"².

¹ По нашему мнению, любая идеология (в том числе, и в первую очередь, партийная) формируется на основе трёх компонентов – идеала, иерархии целей и идеологических детерминантов. Центральным среди них является *идеал* – теоретическая абстракция, логическое следствие существующих общественных отношений. Он представляет собой совокупность норм, ценностей и принципов, на которых базируются эти отношения. Вторым формирующим компонентом идеологии является специфическая *иерархия целей*, которая выстраивается путём синтеза идеала и конкретных социально-политических условий. Идеал и иерархия целей служат основой для третьего формирующего компонента – совокупности *идеологических детерминантов*, представляющих собой перечень первоочередных потребностей, необходимость удовлетворения которых детерминирует реальный общественно-политический процесс.

² Цит. по: *Заславская Т. И.* Человеческий фактор в трансформации российского общества. Публичная лекция, прочитанная в рамках проекта "Публичные лекции "Полит. ру". URL: <http://www.polit.ru/lectures/zaslavskaya.html>.

Процесс общественно-политических трансформаций, под которыми мы понимаем кардинальную перестройку всех сфер общественных отношений, и прежде всего сферы политической, сопровождается естественным переходом от одной общественно-политической системы к другой³. Этот процесс характеризуется, в частности, сменой идеологических ориентиров, а также необратимыми социальными, экономическими и политическими изменениями в недрах самого общества. Причём смена antecedentного состояния конкретного общественно-политического устройства на консеквентное невозможна без переходного периода.

В связи с этим следует отметить, что в настоящее время в научной среде постепенно отказываются от предложенного К. Марксом, а позднее дополненного В. Лениным, положения, согласно которому переходный период – это этап перехода от капитализма к социализму, характерным признаком которого является диктатура пролетариата⁴. При этом нельзя не обратить внимание на то, что все современные концепции переходного периода страдают односторонностью, в них отсутствует универсальный подход к анализу сущности подобного периода, основанный на устойчивых свойствах динамики общественно-политического развития. Например, в последние годы для понимания транзитологических процессов в постсоветских государствах чаще всего обращаются к концепции переходного периода, предложенной американским политологом, экономистом и социологом Д. Растью в последней четверти XX в., в которой этот процесс понимается как этап перехода общественно-политической системы от тоталитаризма к демократии⁵. Этот этап, по мнению Растья, завершается "фазой привыкания", в которой прежде чуждые демократические ценности находят своё место в общественном сознании посттоталитарного общества.

Особо примечательно, по нашему мнению, что предложенную Д. Растью концепцию переходного периода используют и для объяснения особенностей перехода от традиционного общества (основанного большей частью на примордиальных⁶ ценностях) к современному, "ценностное ядро" которого нормируют гуманистические и демократические (в основном либеральные) императивы. Причём применение данного подхода в ряде научных работ приводит к существенному искажению результатов. Так, например, таджикский политолог Н. Муродова, анализируя нынешнее положение дел в Республике Таджикистан, делает вывод, что в стране наличествуют все признаки смены традиционных ценностей современными⁷. Не останавливаясь на деталях её исследования, следует

³ В настоящем исследовании для обозначения форм российской общественно-политической системы в разные периоды используются латинские понятия: antecedentная (предшествующая), медиальная (переходная) и консеквентная (последовательная).

⁴ Подробнее о взглядах классиков марксизма на сущность переходного периода см.: Пусько В. С. Теоретические проблемы переходного периода в работе В. И. Ленина "Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата". М.: ВПА, 1983. С. 5–13.

⁵ Харитонова О. Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Политические исследования. 1996. № 5. С. 70–78.

⁶ То есть исконных, "первобытных".

⁷ Муродова Н. Г. Политические процессы переходного периода в Республике Таджикистан: дисс. на соиск. учёного степеней канд. полит. наук / Таджик. гос. пед. ун-т. Душанбе, 2003.

заметить, что использование положений концепции Д. Растоу в данном случае требует обязательной конкретизации. В частности, следует точнее определять понятие "традиционное общество", поскольку, на наш взгляд, в Таджикистане, как и в других республиках бывшего СССР, переход к западноевропейским либеральным или каким-либо другим ценностям происходит как от традиционных (примордиальных), так и от "советских", обладающих явными наднациональными чертами и не подпадающих под определение "традиционные".

В свете вышесказанного наиболее интересным теоретическим подходом к объяснению сущности и содержания переходного периода выглядит концепция, предложенная доктором филологических наук, профессором Г. Сильницким. Её основные положения отражены в коллективной монографии "Переходные эпохи в историческом развитии", подготовленной сотрудниками Смоленского государственного педагогического университета⁸. По мнению Сильницкого, переходный период – это эпоха, с одной стороны, разграничивающая основные этапы социальной и духовной эволюции человека, а с другой – совмещающая "системные характеристики уходящей и нарождающейся общественно-политических систем в их диалектическом противостоянии и преемственной связи"⁹. Таким образом, в исследованиях Г. Сильницкого переходные периоды возникают в процессе исторического развития общественно-политической системы постоянно, а не только при переходе от капитализма к социализму (по Марксу, Энгельсу, Ленину), от тоталитаризма к демократии (по Растоу и др.) или от традиционного общества к современному.

Учитывая особенности приведённых выше подходов к пониманию сущности переходного периода, следует отметить, что, по нашему мнению, переходный период неотделим от процессов коренной трансформации общественно-политической системы, когда крах предшествующей (антецедентной) системы очевиден, а контуры будущей (консеквентной) ещё только просматриваются. При этом заканчивается этот период после полного завершения формирования подобной системы, главным признаком чего служит наполнение "ценностного ядра" конкретного общества императивами, выработанными и предложенными самой консеквентной системой.

Забегая вперёд, отметим, что "ценностное ядро" современного российского общества нормируют универсальные, ставшие объективными ценности, такие как жизнь, свобода, труд, благополучие, равенство всех граждан перед законом и пр. А ценностные императивы, появившиеся в период с 1991 г. и по настоящее время (за исключением "стабильности" и "порядка", сущность которых будет раскрыта ниже), наполняют только периферийный и структурный уровень идейно-ценностной иерархии трансформируемого российского общества. Так, например, в 2002 г. в ходе проведённого опроса многопартийность называли ценностью

⁸ Переходные эпохи в историческом развитии : коллективная моногр. / под ред. Г. Г. Сильницкого. Смоленск : СГПУ, 2001.

⁹ Сильницкий Г. Г. Соотношение человека и его социальной среды как междисциплинарная проблема // Переходные эпохи в историческом развитии : коллективная моногр. / под ред. Г. Г. Сильницкого. Смоленск : СГПУ, 2001. С. 8.

только 6,1 % россиян, а доля респондентов, негативно относящихся к институту политической партии, с 1994 по 1999 г. увеличилась на треть¹⁰.

Предложенный нами подход к анализу сущности переходного периода значительно отличается от подхода академика РАН Т. Заславской, которая в своих научных публикациях отмечала, что при трансформации общественно-политической системы переходного периода просто не существует, поскольку он предполагает наличие строго обозначенной цели, которую необходимо достичь, а трансформация в противоположность этому происходит спонтанно и хаотично¹¹. Учитывая российскую действительность и особенности советской социологической школы, суть рассуждений Т. Заславской вполне понятна. На протяжении всего советского периода научная мысль была заложницей "предписанного" властью идеала общественного развития, достижение которого завершило бы фазу переходного периода, коим в понимании марксистского философско-политического учения выступал социализм. Сегодня же, когда на общественном и государственном уровнях наличие переходного периода признаётся, но отсутствуют осмысленные и системно-целостные представления о цели трансформации, утверждать, что в условиях современных российских трансформаций бессмысленно обозначать переходный период как этап общественного развития, *априори* предполагающий построение строго детерминированной модели общественного и политического мироустройства на базе марксистского учения, уже не является чем-то из ряда вон выходящим.

Трансформации в России конца XX – начала XXI в. большинство современных отечественных и зарубежных исследователей, а также общественных деятелей, квалифицируют как переломные. Действительно, российское общество ощутило на себе бремя социальных, экономических и политических преобразований, которые в одночасье кардинально изменили некогда единый и монолитный "советский" социум, перестроив и перекроив на западноевропейский манер большую часть общественных отношений.

Опираясь на общий эмпирический анализ общественных процессов, протекающих в России, можно констатировать, что для современных российских трансформаций характерны следующие явления.

На социальном уровне:

– крах коммунистической, по собственному определению её носителей, идеологии, на реализацию основных постулатов которой был направлен вектор общественного развития;

– изменение социального статуса и социальной роли всего населения либо значительной его части (в условиях современного общества – трудоспособного и электорально активного);

– отсутствие экономически независимого среднего класса, что, по сути, лишает государство твёрдой социальной опоры;

¹⁰ Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 60.

¹¹ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М. : Дело, 2002. С. 189–191.

– полярность существующих социально-экономических и политических ценностей при одновременном стремлении к объединяющей идеологии с определёнными патерналистскими чертами;

– несформированность либо неразвитость основных институтов гражданского общества.

На внутривнутриполитическом уровне:

– появление или качественное обновление политической элиты, которая предпринимает последовательные шаги для своей легитимации;

– приобретение исполнительной властью черт монархизма посредством проведения политики централизма, что объективно повлекло за собой создание массовых центристских партийных организаций, а также способствовало росту социально-политической апатии среди больших групп населения (подобные процессы возможны в том случае, если население откровенно не заинтересовано действенно участвовать в функционировании политической системы, что подразумевает и отсутствие альтернативных, основанных на реальных социальных условиях общественно-политических программ).

На внешнеполитическом уровне:

– активизация экономического и геостратегического вмешательства иностранных государств во внутренние и внешние дела России;

– культурно-ценностное влияние глобализации и пр.

Необходимым дополнением к данному перечню служит отсутствие в обществе постоянного "ценностного ядра": в массовом сознании доминируют структурные и периферийные ценности, которые своим появлением маскируют базовые особенности идейно-ценностного развития современного российского общества, находящегося в условиях трансформации.

Приведённые выше особенности процесса трансформации российской общественно-политической системы можно объединить общим термином "общественно-политический кризис". Следует отметить, что в данном случае "кризис" понимается не как показатель состояния социальной, экономической и политической реальности, а как показатель наличия в обществе совокупности факторов, влияющих на формы будущего общественного и политического развития. Другими словами, современно-событийный контекст рассмотрения общественно-политического кризиса подменяется футурологическим. Соответственно, анализ формирующих кризисную ситуацию явлений становится более важным прежде всего для определения перспектив дальнейшего развития российского общества и государства, а не для выявления и характеристики реальных причин, приведших к её появлению.

Подобная трактовка понятия "общественно-политический кризис" основывается также на том, что причины этого кризиса заложены в его системных компонентах и являются составной частью единого кризисного поля. При этом кризисная ситуация, вызванная, например, сугубо экономическими причинами, диалектически определяет системные изменения в социальной, культурной и политической сферах, тем самым демонстрируя универсальные черты общественно-политического кризиса. Вместе с тем причины возникновения кризисных ситуаций системного характера могут быть заложены в объективных исторических, мировоззренческих и

культурно-ценностных особенностях определённой общественно-политической среды. И критерием объективности (константности) в данном случае будет постоянство базовых признаков, сформировавшихся на начальном этапе исторического развития социально-политической общности, но проявление которых можно заметить и в настоящее время.

На ряд таких признаков применительно к России указывают в коллективной монографии философы В. Ильин, А. Панарин и А. Ахиезер, которые, в частности, делают акцент на том, что "онтология России исторически предполагала центризм, который политически обеспечивал суверенитет территориальной громады, разбросанной на колоссальном просторе нации; экономическое единство выполняло задачу аккумуляции получаемого в условиях критического землевладения прибавочного продукта, способствующего его рациональному распределению и перераспределению"¹². Несмотря на существенные отличия современной российской общественной системы от той, о которой говорят исследователи, парадигма российского общественно-политического процесса по-прежнему предполагает центризм как в экономической, так и в политической сфере, о чём подробнее говорится ниже.

Здесь же заметим, что центристский политический курс, который проводился в России до 1917 г. и обеспечивал "суверенитет территориальной громады, разбросанной на колоссальном просторе нации" был сформирован на определённой идейной основе, которую, по нашему мнению, представлял собой русский монархический тип политического властвования. Его центристская направленность проявлялась уже в том, что фигура императора как единоличного "Хозяина Земли Русской" и проводимая от его имени политика были равноудалены от всех идеологических доктрин того времени. Именно поэтому подавляющее большинство политических партий и движений, существовавших в России в начале XX в., в первую очередь вели борьбу не друг с другом, а с царизмом, чтобы дискредитировать политику имперской администрации и выбить у неё из-под ног центристскую платформу. Единственное же, что объединяет дореволюционный и современный центризм в России, – это то особое положение, которое занимает в политических процессах фигура лидера, способного собрать вокруг себя сплочённую группу центристски мыслящих политиков.

Переходя к анализу конкретных причин, вызвавших трансформацию российской общественно-политической системы, следует особо отметить, что в их основе лежит коллапс и крах государственной идеологии, для реализации нормативно-ценностного содержания которой государство использовало все огромные мобилизационные возможности советского общества, ориентируя его (и прежде всего большие социальные группы) на достижение декларированных "сверхидеологией"¹³ целей. Поэтому нельзя не согласиться с мнением французского социолога и политолога

¹² Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 4.

¹³ Понятие "сверхидеология" применительно к государственной идеологии СССР впервые было введено в научный оборот А. А. Зиновьевым (Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М. : Алгоритм, 2003).

М. Дюверже, подчёркивавшего, что декларирование и, главное, материализация ряда положений коммунистической идеологии в СССР привели к ускорению модернизационных процессов в подавляющем большинстве сфер общественной жизни советского государства¹⁴.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что для "советской" модели коммунистической сверхидеологии характерен высокий уровень прочности, поскольку она, в частности, позволяла сохранять неизменным идеал и оперативно манипулировать целями, хотя само по себе постоянство этого идеала ограничивало целевой компонент идеологии. Такая идеология может существовать на постоянном призыве к действию, однако со временем это приводит к постепенному отходу от нормативно-ценностного содержания идеала. В результате он становится лишь антуражем подобной идеологии, иерархия целей теряет с ним связь, что и обрекает саму идеологию на крах.

Важно обозначить и то, что кризис в любой идеологии, особенно в сверхидеологии, возможен при коренном изменении присущих ей ценностей, определяющих, в конечном счёте, её системную и мировоззренческую целостность. Сам ход таких изменений осуществляется через иницированную властной элитой программу преобразований, т.е. "сверху", без учёта реальных социальных условий. Поэтому успех системных изменений в сверхидеологии гарантирован только в том случае, если общество однородно по своему экономическому положению, осознанно принимает предписанные сверхидеологией общественные и сугубо политические ценности. Если же в нём заметны процессы расслоения, то попытки изменить содержание сверхидеологии в одностороннем порядке обречены в перспективе на крах, поскольку государство, проводя подобные преобразования, сталкивается с противодействием социальных групп, не желающих жить по предписанным сверхидеологией законам. При этом на властном уровне либо действует сплочённая идеологическими представлениями политическая элита, либо идёт процесс формирования такой элиты на основе принципа самосохранения, в то время как существующие в обществе социальные группы резко выступают против декларированной властью стратегии развития.

Рассмотренные выше процессы имели место в СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда властная элита ощутила нарастающую оппозиционность некоторых социальных групп. Это усугубляло кризисные процессы и в самой властной вертикали, поскольку на всех её уровнях какие-либо единые представления о перспективах развития государства отсутствовали вовсе. Забегая вперёд, отметим, что последствиями этих процессов для всего общества стали сокращение ВВП в период с 1989 по 1993 г. на 40 %, резкое снижение производительности обрабатывающих отраслей промышленности при одновременном росте добывающих и повышение энергозатратности советской экономики (нефти стало расходоваться в 2 раза больше, чем в индустриально развитых странах Европы). По сравнению с 1990 г. в 1993 г. рождаемость в стране упала в 2 раза

¹⁴ Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. 3-е изд. М. : Парадигма, 2005. С. 317–330.

и составила 9,4 новорождённых на 1 тыс. населения¹⁵. Неблагоприятная демографическая ситуация, которая сохраняется и по сей день, несмотря ряд предпринятых правительством мер, служит причиной алармистских заявлений о том, что к 2200 г. постоянное население России может попросту исчезнуть¹⁶.

Логическим следствием краха "советской" модели общественных отношений стали кардинальные изменения в социально-экономической сфере общества. Распределение значительной части государственной собственности между весьма ограниченным кругом лиц в итоге привело к изменению социального статуса и политической роли больших групп населения, в основе своей трудоспособного и электорально активного. В частности, по данным опроса 2000 г., более 40 % респондентов вследствие трансформационных процессов в экономике вынуждены были один или несколько раз менять место работы¹⁷.

В целом происходившие трансформации в социально-экономической сфере, разрушая устоявшиеся экономические отношения, мало способствовали формированию отношений рыночных, основанных на конкуренции в сфере товарного производства. Как следствие, произошло беспрецедентное падение промышленного и сельскохозяйственного производства, свёртывание наукоёмких отраслей, были разорваны хозяйственные связи между бывшими союзными республиками – ныне независимыми членами СНГ. Во-вторых, были забыты идеи социального и правового государства, произошла резкая поляризация общества, разделившегося на сверхбогатых и бедных, началась криминализация всех сфер общественной жизни, возникли и обострились социальные и межнациональные конфликты, ухудшилось физическое и нравственное здоровье нации, сокращались рождаемость и продолжительность жизни, повышалась смертность населения¹⁸.

В связи с этим нельзя не отметить и то, что важнейшей преградой для проведения любых социальных преобразований, затрагивающих не ограниченную группу лиц, а общество в целом, служил с каждым годом нараставший внутри российского общества дефицит социальной мобильности. Некоторые социальные группы (правлящая элита и крупный бизнес) приобрели черты сословности и кастовости. С другой стороны, принимавшиеся властью меры сильно ослабили зарождавшийся "средний класс", по сути, остановив его легальное развитие. А ведь именно он, как известно, является общепризнанной опорой эволюционного развития общества и государства, тем противовесом власти, который способен влиять на политический курс страны и на общественное развитие в целом. Отсутствие "среднего класса", в свою очередь, позволило экономической и политической элите (в политологии существует термин "властные элиты") без какого-либо серьёзного сопротивления со стороны общества взять на

¹⁵ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. М.: МГУ, 1996. С. 6–7.

¹⁶ Коммерсантъ "Власть". 2006. № 38. С. 10.

¹⁷ Зеленко Б. И. Партии и выборы в современной России. М., 2003. С. 28.

¹⁸ Россия в поисках стратегии: общество и власть: аналит. докл. М.: ИСПИ РАН, 2000. С. 5–6.

себя функцию регуляторов и катализаторов экономических процессов на внутри- и внешнеполитическом уровне.

В результате такой политики, по данным академика РАН Д. Львова, к концу XX в. около 15 % россиян владели 92 % национальных богатств, в то время как за чертой бедности находилась половина населения страны. Только за 1999 г., как отмечает учёный, бедных в России, по официальным источникам, стало в 2 раза больше, чем в 1997 г.¹⁹ Необходимо также отметить, что процесс обнищания населения стал в России начала и середины 90-х гг. XX в. стремительным. По данным Государственного комитета по статистике РФ за 1996 г., душевой доход, соответствующий установленному в то время порогу бедности, имели 53,3 % населения страны, из них 20,4 % пребывали в полной нищете. Исследование семейных бюджетов показывало, что в бедности живут 89,9 % российских семей, из них 29 % опустились до состояния нищеты²⁰. Эти данные позволили Б. И. Зеленко сделать вывод, что в тот период началась системная трансформация мировоззрения современного российского общества. По его мнению, именно тогда кардинально "менялась психология "советского человека": ещё вчера мечтавшие о достатке и демократии люди теперь думали о том, как выжить"²¹.

Стремительные и лавинообразные процессы обнищания широких слоёв населения привели к возникновению и дальнейшему росту числа маргинальных групп, распространению и укоренению различных видов девиантного поведения, криминализации межличностных отношений. Это не просто подорвало основы экономической и политической безопасности, а также межнациональных отношений в России, но и существенным образом затруднило продвижение нашей страны к созданию условий для функционирования самодостаточного гражданского общества и дееспособного правового государства. Относительно толерантное "советское" общество уступило место "обществу риска".

Положение основных социальных групп, изменение роли и статуса которых произошло под влиянием кризиса, дальнейшего краха коммунистической сверхидеологии и "советской" модели общественно-политической системы в целом, позволяет проследить ценностно-мировоззренческую доминанту современного российского социума. Для этого главной целью аксиологического анализа, по нашему мнению, должно быть выяснение конкретной наполненности "ценностного ядра", под которым принято понимать совокупность доминирующих в общественном сознании ценностей, интегрирующих общество или меньшую социальную общность в некое целое. Логично предположить, что это "ценностное ядро" должны нормировать императивы, получившие 60 и более процентов одобрения всех без исключения социальных групп.

¹⁹ *Львов Д. С.* Экономическая наука ищет своё лицо // Экономическое обозрение. 2002. № 5. С. 14.

²⁰ *Руткевич М. Н.* Процессы социальной деградации в российском обществе // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 6.

²¹ *Зеленко Б. И.* Партии и выборы в современной России. М. : Современная экономика и право, 2003. С. 21.

На основе данных ряда исследований можно с уверенностью констатировать, что в современном российском обществе отмечается устойчиво положительное отношение к базовым ценностям, среди которых следует в первую очередь назвать жизнь, свободу, нравственность, семью, работу, законность и благополучие. Вместе с тем имеются различия в понимании феноменальных демократических ценностей. Так, социальное восприятие демократии может быть представлено как в виде системы политических ценностей (свобода личности и конституционный порядок, личная и имущественная безопасность, национальная безопасность и независимость страны, благосостояние, желательное экономическое устройство и толерантное развитие общественных процессов), так и совокупностью принципов, обычаев, традиций, способов и процедур политической деятельности по реализации принципов демократии.

О характере отношения населения Российской Федерации к базовым демократическим ценностям и их роли в нормализации существующих общественных процессов можно судить по результатам социологических опросов, проводившихся с 1995 по 2001 г. Институтом комплексных социологических исследований РАН. В частности, с утверждением "Демократические процедуры очень важны для организации в обществе нормальной жизни. Без них не обойтись" согласились в 1995 г. 56,0 % опрошенных, в 1997 г. – 51,0, в 2001 г. – 50,5 %. Были не согласны с этим утверждением в 1995 г. 13,6 % респондентов, в 1997 г. – 17,9, в 2001 г. – 12,4 %. Затруднились ответить в 1995 г. 30,4 %, в 1997 г. – 31,1, в 2001 г. – 37,1 %²².

Приведённые выше цифры отчётливо демонстрируют отношение населения России к демократическим процедурам и их роли в общественном развитии. Вместе с тем значение конкретных демократических процедур и базовых институтов демократии оценивалось обществом неоднозначно. Если положительную роль демократии как определённой мировоззренческой системы, на основе ценностных императивов которой будет строиться дальнейшее развитие общественных и политических процессов в современной России, отмечали в 2001 г. 50,5 % опрошенных, то роль в этих процессах политической партии считали положительной только 6,1 % респондентов²³.

Всё это, по нашему мнению, позволяет констатировать, что в российском обществе имеют место различные суждения о содержании демократии. Кроме того, приведённые данные демонстрируют низкий ценностно-мотивировочный уровень политической культуры общества. Именно эта важнейшая особенность восприятия гражданами происходящих в России общественно-политических процессов существенно осложняет деятельность политических партий и других общественных объединений по формированию собственной социальной базы, вследствие чего политическая сфера всё больше отдаляется от других сфер общественной жизни.

Свою лепту в этот процесс вносят и новые социальные группы – носители различных ценностных ориентаций, возникших на почве единого

²² Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 60.

²³ Там же.

"советского" мировоззрения. Необходимо сразу отметить, что подобное явление – это одна из характерных особенностей состояния общества в переходный период, когда в отсутствие социальной и политической стабильности между основными социальными, возрастными, гендерными и профессиональными группами возникает ценностный антагонизм.

Это подтверждают и результаты комплексного социологического исследования, проведённого доктором философских наук, профессором МГУ им. М. В. Ломоносова Е. Шестопал в 1996 г., т.е. в год наиболее симптоматичных для понимания сегодняшней политической действительности президентских выборов²⁴. Анализируя отношение респондентов к демократии, автор констатирует, что их представления "о демократии оказались весьма различными. Большинство опрошенных на вербальном уровне позитивно воспринимают демократические ценности, отождествляя себя с демократами и демократией. Но понимание демократии в разных возрастных группах различается. Так, в младших группах преобладают акценты на таких ценностях демократии, как свобода, права человека, личная независимость. Замыкают список ценностей участие граждан в управлении и ответственность. Чем старше опрошенные, тем более важными они считают для демократии ответственность и равенство"²⁵.

Различные политические силы в своей избирательной стратегии, безусловно, учитывают полярность и неоднозначность существующих в российском обществе оценок как демократии в целом, так и важнейших демократических институтов в частности. Результаты контент-анализа предвыборных программ ряда российских политических партий в 1999–2003 гг. (т.е. в период третьего избирательного цикла) показывают, что большинство из них предлагало избирателю один и тот же набор общих демократических ценностей. Отличие состояло лишь в том, какая конкретная демократическая ценность занимала верхнюю позицию в общей иерархии. Например, две антагонистические по своему восприятию протекающих общественно-политических процессов партии – Коммунистическая партия РФ и Союз правых сил (СПС), учитывая мнение своих потенциальных избирателей, выстраивали объединяющие общество демократические ценности в следующем порядке: КПРФ – (1) законность и порядок, (2) стабильность, (3) достойная жизнь, (4) сильная держава, (5) равенство и справедливость; а СПС – (1) стабильность, (2) законность и порядок, (3) достойная жизнь, (4) сильная держава, (5) богатство и процветание²⁶. Особо примечательны, по нашему мнению, "замыкающие" ценности: равенство и справедливость – у КПРФ, богатство и процветание – у СПС. Присутствие данных ценностей в программах этих партий вполне объяснимо: с одной стороны, это позволяет им при в целом схожих "первоочередных" ценностях сохранить "индивидуальность" в глазах избирателей, а с другой – как-то объяснить очерёдность помещённых в начало списка ценностных императивов. Так, для достижения равенства

²⁴ Шестопал Е. Б. Перспективы демократии в сознании россиян // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 45–60.

²⁵ Там же. С. 59–60.

²⁶ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М. : ВЦИОМ, 2000. № 4. С. 64.

и справедливости (что является главной целью социалистических партий в России) необходимо в первую очередь обеспечить законность и порядок, т.е. укоренить в трансформируемой российской общественно-политической системе принципы "народовластия", реального социализма. Точно так же вполне понятно, почему первую позицию в партийной программе СПС занимает "стабильность": ведь, чтобы достичь богатства и процветания, необходимо обеспечить стабильные условия для общественно-политического процесса, который базируется на основополагающих принципах рыночной экономики и либеральной демократии.

Однако даже наличие у избирателя устоявшихся представлений о политических ценностях не всегда становится основанием для его осознанного голосования за ту или иную партию, того или иного политика. Дело в том, что в ряде случаев конкретные демократические ценности, перечисленные в партийных программах, как бы закамуфлированы некоторыми формами воздействия на электорат, которые являются отражением партийного мировоззрения и в преддверии выборов создают определённый образ партии в глазах избирателей. Это может быть, например, пропаганда положительных качеств партийного лидера или предвыборная агитация, построенная на принципах откровенного популизма. С другой стороны, такое положение базовых демократических ценностей в партийном мировоззрении объясняется также и уровнем развития современного общества. Как отмечает В. Абрамов: "В массовом сознании постиндустриального общества [*постмодернистского*. – **Прим. авт.**] в конце 60-х гг. XX в. произошёл сдвиг в пользу постматериальных ценностей, в результате которого ослабло влияние таких факторов, как уровень доходов и социальный статус, упало значение идеологии и религии. Со смещением ценностных ориентаций число избирателей, которые руководствуются при голосовании традиционными [*социально-классовыми*. – **Прим. авт.**] предпочтениями, постоянно снижается. Одновременно растёт и группа неустойчивых избирателей... чьи решения складываются под влиянием множества факторов, включая личностные, не поддающиеся рациональному объяснению симпатии и антипатии"²⁷.

Таким образом, суммируя вышесказанное, необходимо отметить, что современный уровень развития российского общества нормирует базовые ценности, которые в силу своей объективной, гуманистической направленности мало влияют на современный российский общественно-политический процесс, протекающий в условиях вполне реальных социально-экономических и политических противоречий. В свою очередь, комплекс подобных противоречий придаёт отрицательную динамику развитию общественно-политической системы, поскольку функционирующие в ней социальные и политические институты не могут выработать для объединения своих действий общую программу, суть и содержание которой базировались бы на единых (в том числе и для больших и малых социальных групп) ценностях. Вследствие этого сам общественно-политический процесс становится заложником различного рода обстоятельств, носящих в основе своей временный характер.

²⁷ Абрамов В. Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности. М. : Магистр, 1997. С. 17.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что в России с начала XXI в. в рамках "ценностного ядра" общества обозначилось доминирование двух групп ценностей, объединённых идеей обеспечения стабильности и правопорядка. Учитывая явно нетерпимый характер трансформационных процессов в России в последнее десятилетие XX в., наличие таких ценностей, а тем более их доминирование в обществе, выглядит вполне закономерным, поскольку уставшему от постоянных изменений (причём не в лучшую сторону) обществу объективно необходимы были стабильность и общественный порядок. Однако взгляды отдельных социальных, экономических и политических групп на формат и конкретное назначение подобных ценностей отнюдь не одинаковы.

Политическая и экономическая элита, государственная бюрократия и крупный бизнес рассматривали стабильность прежде всего как механизм, позволяющий, с одной стороны, проводить нужный им политический курс, не встречая протеста со стороны общества, а с другой – использовать стабильность социальных и политических процессов для налаживания таких же стабильных отношений и в экономической сфере, где на фоне процессов первоначального накопления капитала отношения продолжали оставаться неустойчивыми. Большие социальные группы в этом случае получали некоторые гарантии от государства, что оно и в дальнейшем не будет качественно реформировать саму общественную систему, а положение дел в экономике (особенно в государственном секторе) не будет ухудшаться. При этом каждая из групп приобретала и определённые инструменты давления на своих "контрагентов".

Для общества в целом таким инструментом были выборы. Однако формат самой избирательной кампании неминуемо претерпевал существенные изменения. Понимая, что источником и гарантом стабилизации общественных отношений выступает власть в лице президента, пропагандирующая понятные большинству идеи и, главное, реализующая некоторые из них на практике, не заинтересованный в дестабилизации ситуации электорат отдавал свои голоса в поддержку проводимого властью политического курса. Иные же политические силы, чья идейная платформа строилась на конкретных либеральных, социалистических, а также националистических идеях, становились заложниками подобной системы отношений, поскольку для избирателей более важными были ценности, подразумевающие стабильность и общественный порядок, а не отдалённые идеалы общественно-политического мироустройства, материализация которых требует новых системных трансформаций. В свою очередь, высокий уровень поддержки правительственных начинаний группами активных избирателей позволял политической элите выстраивать отношения в экономической и собственно политической сферах по собственному усмотрению, опираясь на "всенародную поддержку".

Важным аргументом в пользу сказанного служат результаты ряда социологических опросов. Так, в ходе мониторинга общественного мнения, проводившегося ВЦИОМ в течение 2004 г., отвечая на вопрос "Какие из перечисленных ниже понятий вызывают у Вас скорее положительные чувства?" более 61 % респондентов назвали "порядок", 40 % – "стабильность". Примечательно, что в ходе этого опроса понятие "социализм"

выбрали из предложенного перечня всего 12 % опрошенных, а "либерализм" – только 1 %²⁸.

Тот факт, что власть на данном историческом этапе декларирует стабильность и порядок (безопасность) в качестве основополагающих ценностей общественного развития, не может не отразиться на самой российской общественно-политической системе переходного периода, которая постепенно приобретает черты монархизма. Под монархией в данном случае понимается такая форма организации процедур и механизмов политического управления, при которой конституционно закрепляется принцип полицентричности политического пространства (действуют различные государственные институты, сохраняются внешние проявления функционального разделения властей и пр.), но фактически и по сути монопольным носителем власти становится глава государства (монарх, президент) и подконтрольная ему политическая элита. Базовые принципы монархии, в свою очередь, находят поддержку в больших и малых социально-политических группах²⁹. В связи с этим следует отметить, что процедуры монархического политического управления в условиях трансформации общественно-политической системы имеют свои положительные и отрицательные стороны.

Как положительную черту можно оценить ограниченность числа регуляторов трансформационных процессов на политическом уровне. Преобразовательные импульсы в этом случае исходят от определённой фигуры и группы лиц, разделяющих общие политические, экономические и иные цели. Однако в подобной ситуации нельзя не заметить и негативную сторону. Сконцентрировав свои усилия на поиске механизмов стабилизации общественных отношений, источники монархической власти вынуждены лавировать между известными альтернативами общественного развития, включая в программу преобразований то либеральные или социалистические, то сугубо почвеннические ценности.

Монархический статус российской политической системы объективно ведёт к тому, что в качестве мировоззренческой основы для проводимой политики будет выбран центризм, поскольку он позволяет политической элите в условиях переходных общественных процессов сохранять устойчивое положение и своевременно реагировать на изменчивое общественное мнение, вводя в свою идеологическую конструкцию духовные ценности и, соответственно, практические инициативы, которые пользуются наибольшей поддержкой электората. При этом базовые принципы центризма в современном политическом процессе дают возможность

²⁸ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. С. 112.

²⁹ По результатам упомянутого социологического опроса, проведённого ВЦИОМ, имевшего целью определить отношение российского электората к действующим в современной России государственным институтам и институтам гражданского общества, можно сказать, что президент (в данном случае В. Путин) и его деятельность пользовались поддержкой 74 % опрошенных (не поддерживали только 18 %). Деятельность российского правительства одобрили 36 % опрошенных (не одобрили – 42 %). Работу Государственной Думы оценили положительно 26 %, отрицательно – 54 % (см. подробнее: Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. С. 83).

источнику монархической власти при условии, что экономическая ситуация в целом положительна, формировать тот фундамент общественных отношений, опираясь на который, он сможет реализовывать на практике свои внутри- и внешнеполитические цели.

Для успешной реализации политического курса, основанного на центризме, необходимо учитывать экономическое положение основных социально-политических групп, так как в случае ухудшения состояния общества исповедующая центризм элита вынуждена будет адекватным образом реагировать на эти изменения, привнося в центристскую идеологию конкретное экономическое содержание³⁰.

Относительное постоянство в общественном мнении рейтинга доверия к главе властной элиты позволяет центристски настроенной политической группе, в том числе и по сугубо конъюнктурным соображениям, свободно выбирать необходимые ей идеологические императивы из числа действующих. Подобная практика существенно удлиняет срок существования такой группы в трансформируемой общественно-политической системе.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что идеологическая платформа центристски настроенной политической элиты или политической партии, созданной по инициативе и при непосредственном участии источника монархической власти, будет достаточно аморфна. Этот вывод подтверждается при анализе российского политического процесса последних двух десятилетий: созданные по инициативе власти политические партии имеют неустойчивую и постоянно меняющуюся идеологическую платформу, в которой присутствовали и присутствуют диаметрально противоположные точки зрения по ключевым вопросам государственной жизни, обнаружение которых не идёт на пользу самой центристской идейно-политической общности. Поэтому "партия власти" нередко скрывает существующие внутри неё идейные противоречия за общими (базовыми) фразами, например, о необходимости построения "справедливого общества".

Таким образом, центризм в России, по нашему мнению, – это идейно-политическое течение и политическая деятельность, направленные на поддержание равновесия и временной политической стабильности в трансформируемом российском обществе, на создание таких условий, при которых источник монархической власти может осуществлять свою деятельность достаточно уверенно, не опасаясь противодействия со стороны общества. Учитывая сделанные выше выводы, можно сказать, что целостного, системного видения дальнейшего пути развития

³⁰ Это, однако, не означает, что центристски настроенные группы сделают реализацию принятых на себя экономических обязательств своей постоянной политикой, поскольку важной особенностью централизма является его способность в любой момент отказаться от декларированных ранее идей, ссылаясь на мнение и позиции источника монархической власти, который пользуется в электорально-активных группах высоким доверием. Так, результаты социологического опроса, проведённого РАГС в 2003 г., отчётливо показывают значение фигуры президента в современной России. На вопрос "Что, на Ваш взгляд, может способствовать решению наиболее волнующих Вас проблем нынешней российской жизни?" более 66 % опрошенных отметили политическую волю и сильную власть президента. При этом позитивную роль "развития подлинной демократии" в решении данных проблем обозначили только 10,3 % (Социология власти. 2003. № 5. С. 95).

общественно-политической системы современной России обществу предлагаться не будет.

Отсутствие чётких и однотипных идеологических ценностей делает лидера (президента) главной фигурой в осуществлении полномасштабного центристского политического курса. "В ситуации, когда политико-идеологические проекты, по сути, отсутствуют, доминирование президента – не только персональное и институциональное, но и идейное – есть специфический способ спасти общество от политического коллапса и полной идейной дезориентации. Но это лишь временный и исторически ограниченный способ"³¹.

Опираясь на данное утверждение, можно предположить, что в России 90-х гг. XX в. серьёзным препятствием для проведения центристской политики служило то обстоятельство, что образ Б. Ельцина и его деятельность вызывали в обществе скорее негативную реакцию. Именно поэтому, как справедливо отмечает в своих работах А. Соловьёв, ему "не удалось выстроить устойчивую комбинацию "центристских" противовесов политической стихии общества"³². Положение изменилось в 1999–2003 гг. после прихода к власти В. Путина, сумевшего сформировать достаточно однородную центристски ориентированную политическую группу. Однако, как отмечают авторитетные российские социологи, её сплочённость вовсе не являлась показателем её идейной целостности. "По целому ряду вопросов, – констатируют создатели сборника "Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье", – среди сторонников Путина нет единства. Существенны расхождения между ними и в оценке событий в стране..."³³

Стоит также акцентировать внимание на том, что в сугубо политическом плане центристская позиция источника монархической власти в современной России проявляется через совокупность предложений, направленных на умеренное реформирование существующих социально-политических отношений, отчасти на утверждение демократических процедур и ограниченных норм социальной справедливости, на гражданское согласие и налаживание сотрудничества между различными группами, чтобы не допустить революционных и иных потрясений, нарушающих относительно толерантную жизнь общества, порядок и стабильность. Сами же тенденции политического центризма появились в России в результате образования центристских партийных организаций, движений, блоков, коалиций, стремящихся завоевать доверие большинства населения и обеспечить стабильное течение переходного политического процесса за счёт постепенного осуществления незначительных, в основном рассчитанных на избирателя, реформ в экономике и социальной сфере. Это достигалось путём разрешения накопившихся противоречий и разногласий на основе компромисса и поддержания относительного консенсуса ведущих политических сил. Именно поэтому электоральной базой центризма в России

³¹ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. С. 9.

³² Соловьёв А. И. Российский партогенез: современные практики // Обозреватель. 2004. № 3. С. 106.

³³ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. С. 9.

выступают умеренные социальные группы, заинтересованные прежде всего в укреплении стабильности действующей политической системы.

Эклектичная идейная основа российского центризма, который предоставляет обществу мизерные гарантии порядка, безопасности и устойчивости общественных отношений, с трудом выдерживает давление структурных и периферийных ценностей, так или иначе присутствующих в больших и малых социальных группах. Их усилившееся влияние на происходящие в обществе процессы объективно не позволяет сформировать постоянное, наполненное не абстрактными, а сугубо конкретными императивами "ценностное ядро", поскольку именно структурные и периферийные ценности приносят конфликтность в трансформируемое общество. Даже декларируемые вербально, они представляют угрозу для эволюционного развития общественно-политической системы, поскольку в силу ряда причин могут способствовать появлению не решаемых в односторонние конфликтных ситуаций.

К первой группе таких ценностей относятся ценности непреходящие, заложенные в подсознании. Среди них наиболее значительными можно назвать традиционные (примордиальные), социокультурные, религиозные и иные представления, идеальные по своей природе. Ценности подобного рода на протяжении всего исторического развития человечества вызывали и вызывают противоречия, так или иначе влияющие на общественные отношения, поскольку являются объективной основой большинства сфер деятельности общества. К ним, в частности, относятся противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между экстенсивной и интенсивной системами хозяйствования, между производственным сектором экономики и сектором управления и др.³⁴

Вторую группу составляют те структурные и периферийные ценности, появление которых обусловлено специфическими особенностями конкретной общественно-политической системы. Они включают все те принципы, нормы и правила, которые служат фундаментом взаимоотношений между людьми, группами лиц и народами в рамках единого государства. Ценности второй группы по сути своей отличаются "первобытным" постоянством, односторонностью и антиуниверсализмом. Об этом стоит помнить, учитывая многонациональный и поликонфессиональный характер современного российского государства. Более того, доминирование в общественных процессах сугубо национальных (примордиальных) ценностей более всего ощущается в среде национальных меньшинств, имеющих в России статус политической автономии, а не у русских – государствообразующей нации.

* *
*

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что аморфность "ценностного ядра" современного российского общества, равно как и доминирование структурных и периферийных ценностей, является главным

³⁴ Семёнов В. С. Россия в сети конфликтности // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 73–74.

проявлением трансформационных изменений, влияющим на общее положение дел в Российской Федерации, поскольку отсутствие необходимой идейно-ценностной основы объективно ставит протекающие в обществе процессы в зависимость как от интересов определённых лиц, призванных регулировать и катализировать преобразования в российской общественно-политической системе, так и от интересов зарубежных государств (политических и военно-политических блоков), которые экономическими и политическими методами пытаются направить процессы трансформации в русло, отвечающее их собственному видению мирового политического и/или экономического процесса.

Изложенное выше позволяет сформулировать ряд выводов относительно специфических особенностей общественно-политических трансформаций в социальной и политической сферах российского общества на рубеже XX–XXI вв.

Во-первых, происходящие в современной России изменения не имеют исторических аналогов, поскольку соответствуют особой модели инверсивного (возвратного) развития общественно-политической системы. Специфика ситуации в России состоит прежде всего в том, что общественно-политическая инверсия до недавнего времени происходила одновременно с попытками использования экономических и политических схем, разработанных и реализованных на протяжении двух последних столетий развитыми европейскими странами и США. Такая ситуация возникла вследствие того, что у России (в отличие от стран Восточной Европы) не было чёткой модели возврата к устойчивому состоянию, которая базировалась бы на "досоциалистических" основах общественно-политического мироустройства, отвечающих нынешнему уровню общественных отношений. И это понятно: дореволюционная модель российской общественно-политической системы не могла служить образцом для России конца XX в.

Во-вторых, произошедшие в России социально-экономические изменения были самыми болезненными (для общества) и кардинальными (для экономики) по сравнению с теми, которые происходили в других странах бывшего социалистического лагеря. В отличие от восточноевропейских государств в России более 70 лет не было института частной собственности, а в исторической памяти народа не сохранилось опыта первоначального накопления капитала. Поэтому поспешный перевод прежде централизованной государственной экономики на рыночные рельсы, усугубившийся неумелыми действиями самих реформаторов, привёл к параличу прежде ведущих отраслей промышленности и вызвал резкое негодование в обществе. Стремительное обнищание больших социальных групп (рабочих и служащих оборонных предприятий, научной интеллигенции и др.) порождало чувство пустоты и безнадежности. В итоге большинству граждан, как справедливо отмечает профессор А. В. Кива, были "...не понятны не только катастрофические изменения последних лет, но и то, во имя чего они переносят нынешние трудности"³⁵.

³⁵ Кива А. В. После социализма: некоторые закономерности переходного периода // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 24.

В-третьих, в целом равнодушное отношение общества к протекающим трансформациям позволило властной элите регулировать политические и экономические процессы, опираясь на собственные схемы. Властная элита посредством правовых актов ограничивала деятельность и так несовершенных политических партий, корректировала избирательное законодательство. Тем самым политическая сфера общества, а следовательно, и политические отношения приобрели замкнутый, сословно-кастовый характер.

Подобная политика привела к тому, что общество постепенно теряет интерес к политическим процессам, а значит, граждане не стремятся иметь собственную политическую позицию. Власть же, реализуя центристский политический курс, в котором стабильность, безопасность, демократия и суверенитет выступают в качестве основополагающих ценностей общественного развития, получает возможность дистанцироваться от дискредитировавших себя в глазах общества идейных положений глобальных идеологических доктрин – либерализма, социализма, консерватизма и пр. Она становится эксклюзивным обладателем права на разработку стратегии общественного развития в целом и государственного развития в частности, на определение важнейших общественно-политических приоритетов.

Возвращаясь к началу статьи, хотелось бы напомнить, что устойчивая стратегия общественного развития должна базироваться на чётком и целостном представлении о том, куда и как движутся общество и государство, на обозначенных ориентирах, достижение которых будет способствовать социальному, экономическому и политическому благополучию. А отсутствие подобных ориентиров может привести к тому, что общество перестанет понимать (и принимать) действия институтов государственной власти на внутри- и внешнеполитическом уровне.